

Глава 21. Прежние узы

— На чём мы остановились? — спросил Чжао Лои.

Ли Мэн с живейшим интересом отозвался:

— Вэнь Сюй признался Чёрному Пиону в чувствах. Полгода спустя, чтобы избежать неловкости, она оставила письмо и сбежала!

Чжао Лои почувствовал, с каким азартом парень ждёт продолжения, и мысленно вздохнул. Положив руку на плечо Ли Мэна и убедившись, что тот не думает отстраняться, он слегка приобнял его.

— Чёрный Пион была женщиной суровой и холодной. Мужчин, искавших её благосклонности, было не счесть, так что ушла она из каравана вовсе не из-за глупой неловкости. К тому же через три месяца она вернулась.

Вэнь Сюй заботился о сыне Чёрного Пиона как о собственном. Он лишь беспокоился, что мальчику будет тяжело расти без материнской ласки. К счастью, ребёнок почти никогда не капризничал и не доставлял хлопот, отчего вызывал лишь ещё большую жалость и нежность.

Спустя три месяца, одним погожим полднем, Вэнь Сюй прилёг вздремнуть на длинной скамье во дворе, баюкая на груди младенца.

Едва слышались тихие шаги, как он тут же открыл глаза. Увидев перед собой Чёрного Пиона, Вэнь Сюй растерялся, все слова вылетели у него из головы. Он смог лишь пробормотать:

— Ты вернулась...

Чёрный Пион не удостоила его и словом объяснения, да и сам Вэнь Сюй не осмелился расспрашивать о её личных делах. Однако прежняя жизнь её больше не устраивала — она больше не желала просто прислуживать счетоводу.

Они проговорили с Вэнь Сюем до самого рассвета. Она заявила, что готова остаться в караване навсегда.

Вэнь Сюй, разумеется, так и просиял от счастья и тут же заговорил о свадьбе.

Но Чёрный Пион ответила отказом.

— Она была родом из Наньмэй, — негромко произнёс Чжао Лои. — А по законам Великой Цинь, чтобы жениться на чужестранке, требовалось получить особое разрешение от местных властей, подав прошение чиновникам в управе.

Ли Мэн вдруг вспомнил долговязого и простоватого на вид управляющего Анбалу. Перевернувшись под тёплым одеялом, он прервал Чжао Лои:

— Учитель... есть кое-что, о чём я забыл тебе рассказать.

— Говори, — Чжао Лои слегка хлопнул его по затылку.

— Те люди из Наньмэй, что повсюду преследуют тебя... Их предводитель, Анбала, уверял, что вовсе не собирается тебя убивать. Он хочет, чтобы ты вернулся с ними.

Ли Мэн осёкся. В крошечной тьме невозможно было разобрать выражение лица Чжао Лои, поэтому юноше оставалось лишь продолжить:

— Он сказал, что ты сын их Божественной девы, и они умоляют тебя вернуться, чтобы занять место Великого жреца.

Чжао Лои не стал ничего отрицать, лишь сухо бросил:

— Ещё чего. Стал бы я тратить время на пустую болтовню.

Вспомнив их первую встречу, когда эти наньмэйцы с ходу залопотали на своём непонятном наречии, Чжао Лои снова ощутил глухое раздражение. Тогда он сразу бросился в драку, и лишь позже выяснилось, что один из них худо-бедно владел наречием Великой Цинь.

— Ну так что, будешь слушать дальше? — с напускным нетерпением спросил Чжао Лои.

— Буду, буду! Продолжай, учитель, — Ли Мэн прижал ладонь к его плечу, слегка разминая затёкшие мышцы.

Чжао Лои снисходительно хмыкнул и продолжил:

— Вэнь Сюй был хорошим человеком. По настоянию Чёрного Пиона он превратил обычное торговое дело в то, что ныне зовётся Башней Десяти Направлений.

Ли Мэн замер, перестав массировать плечо.

— Учитель, у тебя темп повествования сбился. Я ещё не успел настроиться.

Чжао Лои снова шутливо хлопнул его по макушке, но затем нежно взъерошил его мягкие волосы. Сделав глубокий вдох, он почувствовал, как морозный зимний воздух приятно холодит лёгкие.

— Изначально Башня Десяти Направлений создавалась исключительно ради Чёрного Пиона. Вэнь Сюй превосходно владел боевыми искусствами, да и за годы торговли накопил немалый опыт. Караван по-прежнему ходил по дорогам, но под этой вывеской скрывалась тайная сеть скупщиков и продавцов сведений. И главным объектом их слежки в те годы был императорский дворец Великой Цинь.

Ли Мэн вздрогнул от неожиданности и испуганно сглотнул:

— И сейчас тоже?..

— Лет пятнадцать назад кто-то предложил за голову нынешнего императора десять тысяч золотых слитков.

— Но Его Величество до сих пор здоровствует... — нерешительно пробормотал Ли Мэн.

— Да, покушение провалилось. К тому же дворцовая стража всполошилась, и всех наших людей, которых удалось туда внедрить, безжалостно вырезали. С тех пор Башня больше не пыталась совать нос в дела императорского дворца. Впрочем, когда Чёрный Пион основывала Башню, убийство государя вовсе не было её главной целью.

Ли Мэн быстро сопоставил даты. Пятнадцать лет назад на троне сидел прежний император. Значит, ещё при покойном владыке кто-то не пожалел золота, чтобы лишить жизни тогдашнего наследника — нынешнего правителя. И Башня Десяти Направлений потратила больше десяти лет на подготовку этого дела.

— Ты ни за что не угадаешь, для чего на самом деле создавалась Башня, — Чжао Лои с улыбкой растрепал волосы ученика.

— Слежка за дворцом... — Ли Мэн ненадолго задумался. — Чёрный Пион была родом из Наньмэй. Неужели она была лазутчицей и собирала сведения для своей родины? Но Наньмэй — крошечное царство, защищённое топиями и болотами. Туда не так-то просто добраться. В отличие от Сижун или северных дикарей, императорский двор всегда старался избегать прямых столкновений с южанами. При прежнем государе их даже пытались привлечь на службу, а при нынешнем...

Слова «собачий император» едва не сорвались с языка Ли Мэна, но он вовремя сдержался и, переведя дух, продолжил:

—...тоже посылали чиновников с предложением мира. Но потом в Чжунъане вспыхнула смута,

план провалился, и больше об этом никто не вспоминал.

Чжао Лои бросил на него многозначительный взгляд. Развалившись под тёплым одеялом, Ли Мэн совсем осмелел и бесцеремонно закинул ногу на бедро учителя.

— Может, ты сам всё расскажешь? — хмыкнул Чжао Лои.

— Отец при жизни иногда заговаривал об этом с братьями, — смущённо улыбнулся Ли Мэн. — Учитель, продолжай...

— Ногу убери, — сухо скомандовал Чжао Лои.

Ли Мэн и не подумал шевельнуться. Его ладонь лениво скользнула по тёплому животу мужчины.

— Учитель, тебе вообще кто больше нравится — мужчины или женщины?

— Тебя это не касается, — отрезал Чжао Лои.

— Как это не касается? Ты же меня поцеловал! — выпалил Ли Мэн, густо покраснев. — Я, между прочим, в отличие от тебя, ни с кем до этого не целовался!

Воцарилось молчание. Лишь спустя долгое время из груди Чжао Лои вырвался глухой, низкий вздох:

— Я тоже.

— Правда? — быстро спросил Ли Мэн.

— А ну слезай! — Чжао Лои попытался оттолкнуть навалившегося на него ученика. — Тяжёлый какой.

— Хе-хе, — Ли Мэн послушно улёгся рядом, но ногу с бедра мужчины так и не убрал. Подростковое любопытство взяло верх, и он лукаво спросил: — Раз уж в нашей Башне никто всё равно не женится, может, сделаешь одолжение и сам пойдёшь ко мне в жёны?

— Избалованный барчук, который после одного поцелуя полночи ревёт за дверью в обнимку с коленями, мне не по карману, — усмехнулся Чжао Лои. — Слишком много с тобой хлопот.

Ли Мэн перевернулся и ухватился за его плечо.

— Вовсе нет! Не веришь — проверь!

Чжао Лои не выдержал и рассмеялся:

— Брысь!

Ли Мэн коснулся пальцами его кадыка и негромко произнёс:

— Всё равно, когда ты меня всему обучишь, я стану твоим верным помощником. Мы всегда будем вместе.

— Последние пару лет меня не было в Башне, и твой второй шишу проводил с тобой куда больше времени. Ты ведь его любишь.

Ли Мэн растерянно сжал крепкое плечо учителя, не понимая, к чему тот клонит.

— Это совсем другое! Когда я лишился дома, никто ко мне не относился по-доброму. Моя вторая матушка всегда говорила: «Как люди относятся к тебе, так и ты относишься к ним».

— Твой второй шишу тебя целовал?

— Нет же! Я ведь сказал, ты у меня первый. Просто тогда я растерялся от испуга, — недовольно проворчал Ли Мэн. — Раньше у тебя были какие-то дела с Сяо Чанчу, на реке Юнъинь ждёт Цинь Чжэньчжэнь, в весёлом доме в Цияне — Синь-нян... Кто знает, сколько их ещё было. Если тебе нравятся женщины, а меня ты поцеловал просто так, приняв за девку, то мне ужасно обидно!

Чжао Лои промолчал.

Ли Мэн занервничал:

— Ты что, серьёзно принял меня за девицу? Да в каком месте я похож на девку?!

Чжао Лои ласково потрепал его по взлохмаченной голове:

— Ты ещё глуп и мал.

— Вовсе не мал! Если бы отец был жив, меня бы уже давно обручили.

— Забыл, что ты из благородной семьи?

У богатых и знатных родов Великой Цинь действительно было принято сватать сыновей уже в тринадцать лет. Простой люд женился позже — обычно лет в шестнадцать, когда появлялся хоть какой-то достаток.

— Всё равно у меня теперь никого, кроме тебя, нет, — жалобно протянул Ли Мэн.

Ли Мэн вырос в неге и холе, и хоть за последние два года ему пришлось хлебнуть лиха, он не растерял юношеской пылкости и не обрёл той хмурой замкнутости, что отличала его учителя. Обретя в лице Чжао Лои самого близкого человека, он искренне и по-детски тянулся к нему.

И этой холодной зимней ночью в суровой душе Чжао Лои, привыкшей к вечной тьме, словно затеплился слабый огонёк.

От такой близости в груди мужчины разлилось щемящее тепло. Ему казалось, что их сердца бьются в одном ритме, сливаясь в единый глухой стук.

Возможно, так давало о себе знать действие «Однокоренного» гу матери и дитя, о котором предупреждал Сунь Тяньинь.

— Учитель... а давай ты меня ещё раз поцелуешь, — загорелся новой идеей Ли Мэн и потянулся губами вверх.

Когда его тёплые губы коснулись подбородка Чжао Лои, тот мгновенно очнулся. Перехватив юношу за плечи, он мягко, но решительно отстранил его и прикрикнул:

— Не дури!

— Тебе, значит, можно целовать меня когда вздумается, а мне нельзя?! — возмутился Ли Мэн. Тот мимолётный, сумбурный поцелуй трудно было назвать настоящим. Подростковое любопытство требовало ответов, и теперь, когда всё было высказано напрямую, ему не терпелось попробовать снова.

У Чжао Лои заломило в висках от подступающей головной боли. Он искренне пожалел о той мимолётной минуте слабости, когда не сумел совладать с собой.

Ли Мэн обиженно отвернулся к стене, не желая больше слушать никаких историй.

— Ли Мэн, — позвал Чжао Лои.

Тот не отозвался.

Вздыхнув, Чжао Лои взял его за плечо и медленно повернул к себе.

Сердце Ли Мэна неистово колотилось. Никогда прежде он не позволял себе такой дерзости, напрочь позабыв, что перед ним — один из четырёх смертоносных столпов Башни Десяти Направлений, мастер боевых искусств, способный лишить жизни одним движением руки. Ему просто безумно хотелось снова ощутить эту щемящую близость.

В конце концов, здесь не было посторонних глаз. А вспомнив причуды Сунь Тяньиня и его ученика, Ли Мэн решил, что в их забаве нет ничего постыдного. К тому же ему очень хотелось понять, что именно он чувствует к Чжао Лои.

— Станный ты, — тихо и мягко проговорил Чжао Лои, проводя грубой ладонью по его спине сквозь тонкую ткань нательной рубахи. От этого прикосновения по телу Ли Мэна побежали приятные мурашки. Сильная рука учителя дарила странное чувство защищённости. — Разве ты не злился на меня за тот поцелуй?

— Я думал, тебе нравятся женщины.

— Возможно, — глухо отозвался Чжао Лои. — Я никогда не пробовал.

— Учитель... — выдохнул Ли Мэн, чувствуя, как горячая ладонь Чжао Лои скользнула под ворот рубахи, оглаживая плечи.

— Хм?

—... Ай!

Чжао Лои вздрогнул от его неожиданного вскрика и тут же убрал руку.

— Что такое?

— Да нет, ничего... Просто ты слишком напористый! — смущённо пробормотал Ли Мэн.

— И чего же ты тогда хочешь? — Чжао Лои устало потёр лоб.

— Просто поцелуй меня.

Ли Мэн капризно завозился в его объятиях.

— По-настоящему? — переспросил Чжао Лои.

Прежде чем Ли Мэн успел ответить, их губы соприкоснулись. В голове у юноши мгновенно помутилось, словно где-то вдалеке, предвещая весеннюю грозу, глухо покатился первый раскат грома.

Чжао Лои старался казаться невозмутимым, но чем сильнее он пытался сдерживать себя, тем крепче сжимал объятия. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и оба отчётливо ощущали, как предательски отзываются их тела на эту близость.

Ли Мэн затаил дыхание. В его голове билась лишь одна мысль:

«Задохнусь же сейчас!»

Спустя бесконечно долгую минуту Чжао Лои с неохотой отстранился и, приподнявшись на локте, посмотрел на ученика сверху вниз. В его взгляде читалось странное облегчение.

— Поцеловал.

Ли Мэн шумно, во всю грудь, глотнул воздух.

Чжао Лои молча принялся поглаживать его по груди, помогая восстановить дыхание.

— Кажется... всё должно быть как-то иначе, — отдышавшись, прошептал Ли Мэн.

Чжао Лои нахмурился:

— Откуда тебе знать, как должно быть?

Ли Мэн упрямо мотнул головой, настаивая на своём.

Чжао Лои почувствовал, как у него снова запульсировала жилка на лбу. Удерживая парня за плечо, он спросил:

— Ну и как же тогда, по-твоему?

В полумраке комнаты повисла неловкая, почти осязаемая тишина. Ли Мэн долго молчал, подбирая слова, и наконец выдал:

— Я не знаю.

Чжао Лои окончательно сдался. Он со вздохом откинулся на подушки и вытянул руку. Ли Мэн

послушно пристроился рядом, положив голову ему на плечо.

Оба чувствовали, что совершили нечто важное — тайный обряд, который теперь навсегда свяжет их невидимой нитью.

— Учитель...

Чжао Лои уже клонило в сон. Из его груди вырвалось лишь сонное:

— М-м?

— Ты сказал, Чёрный Пион не была лазутчицей. Зачем тогда она следила за императорским дворцом?

— Потому что собачий император обманул её.

Ли Мэн заметил, что учитель без колебаний перенял у него это непочтительное прозвище правителя.

— Тот, покойный? — шёпотом спросил он.

— Да. Прежний владыка пообещал, что сделает её своей благородной наложницей, если она создаст для него безупречную сеть доносчиков и шпионов.

Голос Чжао Лои звучал глухо и тяжело, словно эти воспоминания навалились на него всей своей тяжестью.

— Сеть, которую сотворила Чёрный Пион, назвали Павильоном Сулинь. Это дело особой важности, о нём мало кто знает в Поднебесной. Павильон исправно служил престолу, выжигая крамолу и карая неугодных, пока Чёрный Пион не сбежала. После этого управление передали другим людям. К тому времени она уже носила под сердцем дитя.

— И... император забрал её во дворец? — спросил Ли Мэн, хотя ответ уже казался ему очевидным. Если бы забрал, Чжао Лои не родился бы в бегах.

Чжао Лои долго молчал. Ли Мэн уже решил, что тот уснул, и сам начал медленно погружаться в дремоту, как вдруг сквозь полусон услышал тихий ответ:

— Он приказал убить её. До того как Вэнь Сюй укрыл её в своём караване, за ней охотились больше двух недель. Она бежала без оглядки, скрываясь в лесах и пещерах, и едва не погибла вместе с нерождённым ребёнком.

Ли Мэн замер. В голове его мгновенно сложились все кусочки мозаики.

«Так Чжао Лои — сын покойного императора? Значит, в его жилах течёт царская кровь, и те наньмэйцы гнались за ним не просто так...»

Он не стал больше ни о чём расспрашивать. Лишь теснее прижался к груди учителя, словно верный пёс, ищущий защиты от холода этого мира. Чжао Лои крепче обнял его в ответ.

Они затихли, слушая дыхание друг друга, пока сон окончательно не сморил их.

Внезапный резкий стук в дверь заставил Ли Мэна вздрогнуть.

Он испуганно открыл глаза. За окном едва брезжил рассвет. Он лежал один в постели, а Чжао Лои уже стоял посреди комнаты у дверей, сжимая в руке обнажённый меч. На бумажной ширме окна вырисовывался силуэт застывшего гостя.

Стук повторился — на этот раз настойчивее.

С улицы донёсся мягкий, обманчиво спокойный голос Хо Ляньюня:

— Четвёртый, открывай.

<http://bllate.org/book/18266/1761213>